

О.Е. Глаголева

**«КТО Ж РОДНЫЕ?»
РОЛЬ СЕМЬИ ПРОТАСОВЫХ В ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВЕ В.А. ЖУКОВСКОГО
И Н.М. КАРАМЗИНА¹**

9 июля 1805 г. В.А. Жуковский записал в дневнике: «Что со мной происходит? Грусть, волнение в душе, какое-то неизвестное чувство, какое-то неясное желание! Можно ли быть влюбленным в ребенка? Но в душе моей сделалась перемена в рассуждении ее!» Так двадцатидвухлетний поэт обнаружил первые ростки своего чувства к двенадцатилетней Маше Протасовой (1793–1823), ставшей любовью его жизни и его Музой. Уже тогда Жуковский заметил будущие совершенства Маши и предвкушал свое счастье с ней. «Я был бы с нею счастлив конечно! – продолжал он там же. – Она умна, чувствительна, она узнала бы цену семейного счастья и не захотела бы светской рассеянности. Но может ли это быть? К.А., если не ошибаюсь, дала мне что-то предчувствовать. Но родные? Может быть, они этому будут противиться? Кто ж родные? Один В. и одна М.! Неужли для пустых причин и противоречий гордости К.А. пожертвует моим и даже ее счастьем, потому что она конечно была бы со мною счастлива...»². За инициалами в дневнике Жуковский «спрятал» имена самых близких Маше людей – ее матери Екатерины Афанасьевны Протасовой (К.А.), дяди Василия Ивановича (В.) и тетки Марии Ивановны Протасовых (М.)³. Если об упорном сопротивлении Екатерины Афанасьевны браку своей дочери с Жуковским говорится практически в каждой из работ, посвященных жизни и творчеству поэта, то о В.И. и М.И. Протасовых известно сравнительно мало. Однако они оказали не менее важное влияние на то, как

¹ Статья написана в рамках проекта «Культура и быт русского дворянства в провинции в XVIII в.», осуществляемого под эгидой Германского исторического института в Москве. Я благодарна всем участникам проекта и в особенности Ю.В. Жуковой, Л.М. Кондаковой, Е.И. Кузнецовой и О.Н. Купцовой за помощь в подборе материала для этой статьи.

² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13: Дневники, письма-дневники, записные книжки 1804–1833. М., 2004. С. 15, § 8. Июля 9-го, 1805 г.

³ Там же. Комментарии. С. 452.

именно сложилась жизнь Жуковского. Семья Протасовых сыграла также значительную роль в жизни Н.М. Карамзина, связала этих двух писателей тесными узами.

Жуковский не случайно беспокоился о том, как отнесется к его намерению жениться на Маше Протасовой ее дядя. Отца Маши, Андрея Ивановича Протасова (1759–1804)¹, уже не было в живых к моменту первых размышлений Жуковского о будущей женитьбе, поэтому вопрос о замужестве Маши переходил в компетенцию дяди. Именно в гости к нему, в его богатое имение Троицкое Орловской губ., Екатерина Афанасьевна увезла своих дочерей, что вызвало процитированные выше размышления поэта².

Василий Иванович Протасов (ок. 1752–1807) был старшим сыном в семье и после смерти своего отца, статского советника Ивана Яколевича Протасова (1721–1778), стал главой семьи. У него было три брата: Андрей, Павел (1760–1828) и Яков (1764–?) – и шесть сестер: Александра, Анастасия, Елизавета, Мария, Наталья и Елена. Три из них, незамужние Мария, Наталья и Елена, жили с ним, занимались его хозяйством и воспитывали его детей. Старшая, Мария, отличалась необыкновенным умом и пользовалась всеобщей любовью и уважением. Она имела большое влияние на всех членов семьи, поэтому, видимо, Жуковский упомянул ее среди ближайших родных Маши. Влияние Марии Ивановны, однако, не распространялось на брата Василия, который, по семейным преданиям, был настоящим деспотом. Легенды о его жестокости и самодурстве были живы в Орловском крае долгие годы после его смерти³. В полном повиновении у него была не только семья, но и весь Мценский уезд, где рас-

¹ Даты жизни А.И. Протасова уточнены по архивным документам: Государственное архивное управление Тульской области (далее ГАУ ТО), ф. 39, оп. 2, д. 1851, л. 29; ф. 607, оп. 1, д. 5, л. 45 об. Ранее дата его рождения указывалась неверно, как даты смерти: 1797 и 1805 г. См.: Российская государственная библиотека, отдел рукописей (далее ОР РГБ), ф. 99, карт. 23, № 14, *Елагина Е.И.* Семейная хроника Протасовых, л. 1–37 об., цит. л. 24 (Рукопись опубликована: Российский архив. М., 2005. Т. 14: Мемуары, переписка, документы. Воспоминания Е.И. Елагиной и М.В. Безр. Елагина. Семейная хроника). В настоящей статье все цитаты даны по рукописи; Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14: Дневники, письма-дневники, записные книжки 1834–1847. М., 2004. Именной указатель. С. 691.

² См.: Афанасьев В. Жуковский. М., 1986. С. 69.

³ См.: Чернов Н.М. Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Спасское-Лутовиново, 2003. С. 75.

полагались Троицкое и большинство других имений Протасовых¹. Когда в 1790 г. он был избран предводителем тульского дворянства², его влияние распространилось и на всю соседнюю губернию, где у семьи также были немалые владения. По окончании трехлетнего срока предводительства В.И. Протасова на его место был избран А.И. Протасов, вероятно, не без участия старшего брата.

Жуковскому была хорошо известна история сватовства Н.М. Карамзина к Елизавете Протасовой. Близко знакомый со всем семейством, Карамзин был особенно дружен с ее сестрой Анастасией. Их знакомство началось около 1785 г., когда последняя была уже замужем за А.А. Плещеевым, другом Карамзина по новиковскому кружку. Между молодой дамой и юношей завязалась нежная дружба, превратившаяся позже не только в факт биографии писателя, но и в явление русской культуры³. Писатель часто гостил в имении Плещеевых Знаменское Орловской губ., бывал в их московском доме на Тверской⁴. Именно к ним, А.И. и А.А. Плещеевым, обращены его «Письма русского путешественника», писавшиеся во время европейского путешествия Карамзина в 1789–1790 гг. В 1793–1795 гг. писатель практически жил у Плещеевых, что дало основание Лотману назвать этот отрезок его жизни «знаменским периодом»⁵. Там же в Знаменском он, вероятно, близко узнал младшую сестру Анастасии Елизавету, которую впервые встретил у Плещеевых в Москве. Любовь возникла позже, в конце 1800 г., когда из ребенка она превратилась в прекрасную девушку. Удостоверившись, что Елизавета отвечает ему взаимностью, Карамзин посватался, вероятно, через Плещеевых. Как повествует об этом семейное предание, «написали к

¹ См.: ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 1-3. По ревизии 1762 г. у семьи Протасовых только в Центрально-Черноземном регионе имелось 29 имений с 2475 крестьянами мужского пола, 1825 из которых проживали в 13 имениях в Мценском уезде. См.: Черников С.В. Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России. Рязань, 2003. С. 296. Большая часть собственности принадлежала И.Я. Протасову, затем перешла к его детям В.И. Протасову и др.

² См.: Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула, 1899. Т. 1. С. 172.

³ Об отношениях Карамзина и А.И. Плещеевой, которой, под псевдонимом «Аглая», писатель посвятил многие из своих произведений, см.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 264-271; Крестова Л.В. А.И. Плещеева в жизни и творчестве Карамзина // XVIII век. Т. 10. М., 1975. С. 146-175.

⁴ См.: Крестова Л.В. Указ. соч. С. 265.

⁵ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 242-255.

брату (Василию Ивановичу Протасову. – О.Г.), прося позволения; он отказал, находя Карамзина недостаточно богатым и знатным, чтобы смел думать о его сестре». Однако старшая сестра уговорила «робкую» Елизавету «не слушаться, а идти за любимого человека», и в апреле 1801 г. состоялась свадьба. Василий Иванович «после простил сестру»¹.

Тут для нас особенно интересны мотивы отказа Карамзину. «Недостаточное богатство» молодого писателя было хорошо известно Протасову: в 1795 г. Карамзин продал практически все свое имение за 16 тысяч рублей, чтобы выручить своих «милых» друзей Плещеевых, которые в тот момент совершенно запутались в долгах. Карамзин фактически подарил эти деньги сестре Василия Ивановича². Из финансовых документов семьи, о которых речь впереди, не видно, чтобы сам Василий Иванович что-либо сделал для спасения сестры. Отказ Карамзину и самовольное замужество сестры были ему чрезвычайно выгодны, т.к. отменяли необходимость давать за ней приданое. Хотя Елизавета владела двумя небольшими имениями – 79 душ м. п. в с. Покровское (Бортное тож) Мценского уезда и 22 души м.п. в с. Нетрубуж Малоархангельского уезда Орловской губ., доставшимися ей по разделу с братьями, к 1801 г. первое уже было заложено³. Таким образом, лишившись собственного имения ради сестры своей невесты, Карамзин получил в жены не только «бесприданницу», но и ее долги.

«Недостаточная знатность» была для В.И. Протасова еще более весомым основанием отказа Карамзину. Хотя Карамзины вели свой род еще со времен Ивана Грозного и некоторые из них были записаны в шестую часть дворянских родословных книг (для древнего дворянства), отец Николая Михайловича был среднепоместным симбирским помещиком, дослужившимся лишь до чина капитана. Про-

¹ ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 6-7.

² См.: Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 245.

³ См.: Государственный архив Орловской области (далее ГАОО), ф. 760, оп. 1, д. 368, л. 261-263 об.; д. 422, л. 153-158; ф. 19, оп. 1, д. 764, л. 2-5 об.; д. 766, л. 4-4 об. В публикации А. Бельского «Орловские годы Карамзина» (Московский журнал. 2008. № 3; интернет-ресурс <http://www.mj.rusk.ru/show.php?idar=801434>) неправильно указано, что Елизавета получила с. Покровское в качестве приданого. Она была владелицей части имения уже по ревизии 1782 г., получив дополнительных крестьян по разделу 1787 г. Указываемое в письме Карамзина, процитированном Бельским, количество крестьян Елизаветы в Покровском (150 душ) примерно соответствует данным ревизии 1795 г. (79 душ м.п. и 82 души ж.п.). Имение было заложено после 1797 г.

тасовы же кичились знатностью своего рода, существовавшего еще до XIV в. Считалось, что его основателем был московский боярин Лука Протасьевич, который в 1330 г. был послом в Твери. В Герольдмейстерской конторе Сената о роде Протасовых имелись точные и неоспоримые документы, начиная с 1430 г., когда в правление князя Василия Васильевича Григорий Протасьевич был воеводой во Мценске. При царе Федоре Алексеевиче род Протасовых был записан в Бархатную книгу. От Бориса, внука Григория, пошли три линии Протасовых, потомки которых были живы в XVIII в. Среди них были стольники, воеводы и полковники, а начиная со времен Петра I — губернаторы, генералы и сенаторы¹.

Одна из ветвей семьи прекратила свое существование уже к середине XVIII в. — пять пра-праправнуков Бориса от его сына Григория умерли бездетными. От Киприана Борисовича по прозвищу Алай вели свою родословную Степан Федорович Протасов (1703—1767), приближенный Петра, сенатор и тайный советник, женатый на Анисье Никитичне Орловой, родственнице екатерининских фаворитов, и его дети, майор Федор Степанович, генерал-адъютант Александр Степанович, сенатор и генерал-майор Петр Степанович (1730—1794), а также их незамужняя сестра Анна Степановна (1745—1826), бывшая доверенной камер-фрейлиной Екатерины. В 1801 г. Анна Степановна была возведена в графское достоинство, которое по ее просьбе было распространено на ее племянниц, дочерей умершего к тому времени Петра Степановича.

Василий Иванович Протасов, вместе с братьями и сестрами, вел свое происхождение от брата Григория и Киприана, Захара Борисовича, которого царь Михаил Федорович пожаловал в 1620 г. обширными поместьями и вотчинами в Мценском уезде. В жалованной грамоте подчеркивались «многия службы» Захара, в особенности то, что в Смутное время он, «будучи на Москве в осаде против злодеев наших стоял крепко и мужественно...». Сын Захара Давыд получил за свою службу дополнительные поместья и вотчины во Мценском и Орловском уездах в 1678 г. Его сын, Иуда (Юдай) Давыдович, прадед В.И. Протасова, в свою очередь был награжден в 1685 г. новыми поместьями и вотчинами в Мценском уезде². Дед Василия, Яков

¹ См.: ГАУ ТО, ф. 39: Дворянское депутатское собрание Тульской губ., оп. 3, д. 60, л. 43 об.; Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. С. 54.

² См.: ГАУ ТО, ф. 39, оп. 3, д. 60, л. 50-60.

Юдич, был генералом, дядя, Яков Яковлевич, генерал-поручиком, отец, Иван Яковлевич, статским советником. Сам Василий Иванович имел чин действительного статского советника (IV класс по Табели о рангах)¹. Как видим, у него были все основания кичиться знатностью своего рода и высокими почестями, оказанными его предкам.

Кроме знатности и собственного высокого положения (предводитель дворянства Тульской губернии), у Василия Протасова были самые тесные связи при дворе. Его старшая сестра Александра была замужем за их дальним родственником, сенатором и генерал-майором П.С. Протасовым, что соединило две разошедшиеся линии рода. Именно ее дочери получили графский титул вместе со своей теткой А.С. Протасовой, confidentкой Екатерины, оставшейся при дворе Павла, а затем и Александра (до 1823 г.). Племянницы Василия стали фрейлинами еще при Екатерине и во времена Александра продолжали входить в ближайшее окружение императорской четы². Связи племянниц с дядей были тем теснее, что Василий Иванович был в течение многих лет опекуном имения, доставшегося им в наследство после отца³.

Приобретенная Карамзиным к 1800 г. широкая писательская известность ничего не добавляла к его оценке как потенциального жениха в глазах В.И. Протасова. Слава писателя денег не давала; как сам Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Русская литература ходит по миру с сумою и клюкою, худа нажива с нею!»⁴ В шуточной пародии А.С. Кайсарова «Свадьба Карамзина», составленной из стихов жениха, Карамзину приписывались слова, относившиеся к нему и невесте: «Чином я не генерал, / И богатства не имею; / Но любить ее умею»⁵. Карамзин и сам ощущал свою неспособность обеспечивать семью. Уже в первом, сразу после свадьбы, письме к старшему брату он писал: «С сердечной радостью уведомляю вас, что я женился на Елизавете Ивановне Протасовой, которую 13 лет знаю и люблю. <...> Женильба не переменяла образа моей жизни: я живу в прежних своих небольших комнатах, с тою разницею, что буду чаще дома.

¹ См.: ГАУ ТО, ф. 39, оп. 2, д. 1851, л. 22 об.-23; ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 751, л. 7.

² См.: Головина В.Н. Мемуары // История благородной женщины. М., 1996. С. 118, 176, 306 и др.

³ См.: ГАТО, ф. 51, оп. 1, д. 2218, л. 1-3.

⁴ См.: Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 175 (письмо И.И. Дмитриеву от 3 июня 1798 г.).

⁵ Цит. по кн.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина... С. 20.

Она имеет только 150 душ, но я надеюсь, что с моим доходом мы проживем *год без нужды* и с приятностью»¹. Недоброе предчувствие оправдалось: Елизавета умерла вскоре после родов, через год с небольшим после свадьбы. «Приятность» жизни для Карамзина кончилась, наступала нужда, от которой его спасло лишь место придворного историографа с жалованьем, полученное в конце 1803 г.

Знакомство Жуковского с Карамзиным состоялось благодаря семейству Протасовых. В 1792 г. сводная сестра Жуковского Екатерина Афанасьевна Бунина вышла замуж за Андрея Ивановича Протасова. Через сестер своего мужа она была близко знакома с Карамзиным, состояла с ним в переписке. В эти же годы она нередко брала юного Жуковского пожить к себе в имение мужа Сальково, возила в гости к родным². Возможно, Жуковский еще в 1790-е гг. посещал с нею Знаменское Плещеевых, где много времени проводил Карамзин. Конечно, писатель вряд ли обращал особенное внимание на ребенка, и оба оставили неотмеченными эти – вполне вероятные – встречи. Сам Жуковский относил свое знакомство с Карамзиным к декабрю 1800 г.³ Но это уже было знакомство двух взрослых людей, а не друга семьи и малолетнего родственника.

Влияние Карамзина на литературное творчество Жуковского общеизвестно⁴. Здесь нам хочется подчеркнуть лишь преемственность атмосферы литературной игры, которую Карамзин привнес в Знаменское Плещеевых в 1790-е гг., и той, что сложилась в Муратове Протасовых в 1810-х гг. благодаря Жуковскому. Процессы «олитературивания» жизни (термин Лотмана⁵) в Знаменском и Муратове

¹ Курсив мой. – О.Г. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. С. 220 (письмо В.М. Карамзину от 24 апреля 1801 г.).

² См.: Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. С. 33 и др.; в комментарии к записи Жуковского в дневнике за 1806 г. (Там же. С. 455) неверно указан уезд, к которому принадлежало с. Сальково, находящееся не в Ведовском, а в Белевском уезде Тульской губ.

³ См.: Там же. Т. 13. С. 33; Т. 14. С. 334.

⁴ См., напр.: Кочеткова Н.Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л., 1978. С. 190-215; Кацунова Ф.З. Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского (по материалам библиотеки поэта). Томск, 1990; Степанищева Т.Н. К проблеме литературного наставничества: Карамзин – Жуковский – Пушкин // Пушкинские чтения в Тарту, 2000. Вып. 2. С. 79-90; Ветшева Н.Ж. Жуковский и Карамзин // Карамзин и время. Томск, 2006. С. 166-177; Кафанова О.Б. «Поэзия» Н.М. Карамзина и «К поэзии» В.А. Жуковского: опыт сравнительного исследования // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 29-40.

⁵ См.: Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 246.

спустя два десятилетия совершенно тождественны – альбомные стихи и шарады, домашние пьесы и сказки, наполненные шутками и намеками, понятными лишь посвященным. Иными словами, стиль и приемы творчества Жуковского этих лет, пронизанного «семейной интимностью», столь характерной для творчества Карамзина в указанный период¹, вполне могли быть следствием впечатлений поэта от увиденного им в детстве в Знаменском. Не будь Жуковский родственником Протасовых, его писательская судьба могла бы сложиться по-иному. Именно Карамзину, на правах родственника, он решает показать свой первый вариант перевода «Сельского кладбища» Т. Грея, и участливый отзыв писателя, а затем публикация им перевода в журнале «Вестник Европы» в 1802 г. открывают Жуковскому путь в литературу.

В 1802 г. Жуковский возвращается после учебы и службы в Москве в родные края. Он тесно общается с Протасовыми, беседует с Екатериной Афанасьевной о Карамзине. После смерти жены Карамзина в том же 1802 г. Е.А. Протасова, участвовавшая в похоронах Елизаветы, часто посещала овдовевшего писателя, который считал ее своим «ангелом-хранителем»². Настоящее сближение Жуковского с писателем происходит именно в этот в тяжелый для последнего период. В мае 1803 г. Карамзин приглашает Жуковского пожить у него на даче в имении Свирлово, и будущий поэт проводит там две недели.

Свирлово, или Свиблово, – старинное подмосковное имение Плещеевых³. В 1782 г. оно, однако, было продано Плещеевыми жене генерала Н.П. Высоцкого. Последний, как писал Карамзин, сдавал

¹ См.: Gitta Hammarberg. From the Idyll to the Novel: Karamzin's Sentimentalist Prose. Cambridge University Press, 1991. P. 298; Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 249.

² См.: Афанасьев В. Жуковский. С. 51.

³ Свиблово – второе название с. Свирлово, употреблявшееся в старинных документах и сохранившееся в современном названии района Москвы. Карамзин и Жуковский называют имение «Свирлово». В современной литературе сосуществуют оба названия местности, где снимал дачу писатель. См.: Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. С. 222; Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. С. 33; Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (северо-западная и северная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). М., 2004. С. 248; Нарочницкий А.Л. Москва: Энцикл. М., 1980. С. 558; Свиблово; Официальный сервер Управы района Свиблово [Электронный ресурс] <http://www.svao.mos.ru/sv/about/?ID=25356>.

сельские дома в Свирлове московским дворянам и купцам под дачи¹. Первое лето Карамзин провел в Свирлове с молодой женой, и вполне вероятно, что выбор под дачу бывшего имения Плещеевых был не случаен, т.к. Елизавета Ивановна могла слышать рассказы о Свирлове в семье сестры или даже бывать там с ней. После смерти жены Карамзин продолжал снимать дачу в Свирлове, куда и пригласил Жуковского. Последний по этому поводу с восторгом писал Е.А. Протасовой: «Жить вместе с Николаем Михайловичем, вообразите, какое блаженство, и порауйтесь вместе со мною. Его знакомство для меня – счастье, и верно мой добрый дух сказал вам, чтобы вы послали меня с письмом к нему: без того я бы к нему от своей глупой застенчивости не поехал»². У Карамзина, однако, было чрезвычайно тяжелое настроение, о котором он писал брату из Свирлова: «Я занимаю прекрасный сельский домик, и в прекрасных местах близ Москвы. Бываю по большей части один, и когда здорова Соношка (годовалая дочь Карамзина. – О.Г.), то, несмотря на свою меланхолию, еще благодарю бога! Сердце мое совсем почти отстало от света. Занимаюсь трудами, во-первых, для своего утешения, а во-вторых, и для того, чтобы было чем жить и воспитывать малютку. Мне хочется до того времени выдавать журнал, пока будет у меня столько денег, чтобы жить без нужды; а там хотелось бы мне приняться за труд важнейший: за Русскую историю, чтобы оставить по себе отечеству недурной монумент...»³. «Отстав от света» и стремясь к одиночеству, Карамзин тем не менее пригласил к себе Жуковского: молодой родственник любимой жены как никто другой подходил ему в тот момент в качестве собеседника. Чрезвычайно чувствительный и уже тогда проявлявший склонность к романтической меланхолии, Жуковский мог разделить горечь утраты, поведать о подробностях юности Елизаветы Ивановны, которые знал от родственников, по-семейному обсудить неудачное сватовство Карамзина и его хлопоты по наследству жены. Именно тогда Жуковский обретает в лице Карамзина друга и наставника на долгие годы.

¹ См.: Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях // Московский альбом: Воспоминания о Москве и москвичах XIX–XX вв. / Ред. Ю. Александров, В. Енишерлов, Д. Иванов. М., 1997. С. 10.

² Цит. по кн.: Афанасьев В. Жуковский. С. 52.

³ Речь идет о журнале «Вестник Европы» и замысле написания «Истории государства Российского». См.: Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. С. 222 (письмо В.М. Карамзину от 6 июня 1803 г.).

Думая в 1805 г. о возможной женитьбе на Маше Протасовой, Жуковский, несомненно, должен был отдавать себе отчет в том, что перспективы его сватовства были гораздо безнадежнее, чем в свое время у Карамзина. Если В.И. Протасов отказал Карамзину из-за того, что тот был «недостаточно богатым и знатным, чтобы смел думать о его сестре», то Жуковскому в этом смысле рассчитывать на успех было и вовсе невозможно. И дело было даже не в абсолютном безденежье начинающего поэта, не имевшего на тот момент ничего, кроме дома в Белеве, проданного им через три года за 100 рублей. Главным было совершенно «неприличное» происхождение Жуковского, по закону не имевшего даже прав на дворянство. В.И. Протасов был прекрасно осведомлен о подробностях «добывания» дворянского диплома для незаконнорожденного сына отца своей невестки, в котором активно участвовал его брат Андрей, отец Маши Протасовой¹. В случае брака с Машей без благословения ее родных Жуковский, так же как ранее Карамзин, получил бы в жены бесприданницу. И тот же В.И. Протасов имел бы к этому самое прямое отношение.

По семейным воспоминаниям, В.И. Протасов «записывал братьев в службу, управлял всем имением, отделял их, как хотел, выдавал сестер замуж или оставлял незамужними, по усмотрению, и женил братьев»². Документы подтверждают его огромную власть в семье, в первую очередь в имущественном плане. Как уже говорилось, три его младшие сестры так и остались незамужними. Две старшие, Александра и Анастасия, были выданы замуж, вероятно, еще родителями, «с награждением приданым», поэтому они не принимали участия в разделе наследства в 1780 г.³, когда Василий записал за собой львиную долю родительской собственности. По 4-й ревизии, проходившей в 1782 г., из общего количества 752 души м. п. в четырех имениях Мценского и Малоархангельского уездов Орловской губ. за Василием числилось 470, тогда как за Андреем всего 39, за Яковом – 43, а за Павлом – 40 душ м.п. Сестры получили еще мень-

¹ Подробнее см.: Глаголева О.Е. Детство и юность В.А. Жуковского: уточнение фактов биографии поэта (по архивным материалам) // Жуковский и время: Сб. ст. / Ред. А.С. Янушкевич, И.А. Айзикова. Томск, 2007. С. 217–229; Глаголева О.Е., Фомина Н.К. Незаконнорожденные дети в XVIII в.: Новые материалы о получении В.А. Жуковским дворянского статуса // Отечественная история. 2002. № 6. С. 163–175.

² ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 2.

³ См.: ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 101, 103.

ше¹. В 1786 г. Василий получил по завещанию своей бездетной тетки, Л.А. Шеншиной, все ее движимое и недвижимое имение в трех губерниях – Орловской, Тульской и Калужской. Насколько безгранично было влияние Василия на родственников, можно видеть из завещания Шеншиной, в котором она отписывает все, что имеет, «в вечное и потомственное владение родному племяннику ее служащему лейб гвардии в конном полку поручику Василью Протасову ЕДИНОМУ из равных ее наследников, братьев его и сестер...». Завещание было «Высочайше» утверждено. Только в одном из имений Шеншиной, с. Скворчее Новосильского уезда, насчитывалось 267 душ м.п.² Об опеке Василия над имениями племянниц, унаследованными ими от генерал-майора и сенатора П.С. Степанова, мы уже упоминали. Документы показывают, что Василий Иванович сосредоточил в своих руках практически всю собственность большой семьи Протасовых.

В 1787 г., однако, произошел новый раздел собственности между братьями и сестрами. Возможно, братья Василия, получившие к этому моменту офицерские чины, – все они служили в гвардейских полках, и Павел стал подпоручиком, Андрей поручиком, а Василий секунд-ротмистром в кавалерии – пытались уйти из-под опеки старшего брата. Причины раздела могли быть и более прагматичными. Дело в том, что Андрей попал к этому моменту в крайне неприятную ситуацию, грозившую утратой им всего состояния.

1785 и 1786 гг. выдались неурожайными в северных районах страны. Екатерина II издавала указ за указом об учреждении запасных хлебных магазинов в разных городах, о выделении для этого немалых сумм из казны и об особых поставках зерна в столицу³. В октябре 1785 г. в запасные магазины Санкт-Петербурга обязался поставить ржаную муку подполковник И.А. Глебов. При заключении договора на поставки Глебову потребовались поручители, одним из которых стал Андрей Протасов. По тем или иным причинам Глебов обещанную муку не поставил, и спустя четыре года нижний надворный суд Санкт-Петербурга стал требовать, причем с поручителей, 15 тыс. 752 руб. 36 и три четверти коп. за непоставки. На долю Анд-

¹ См.: ГАОО, ф. 760, оп. 1, д. 414-418, 366, 368.

² См.: ГАУ ТО, ф. 54, оп. 4, д. 449, л. 1-7.

³ См.: ПСЗ, т. 22, № 16143, 16161, 17201, 16204, 16220, 16223, 16630, 16363, 16406, 16445-16446, 16487 и др.

рея Протасова приходилось 3938 руб. 93 коп. с четвертью¹ – сумма по тем временам весьма солидная. В связи с этим в Тульское наместническое правление пришел запрос об имениях Андрея, которые надлежало описать и с которых нужно было взимать долг в пользу казны. Тогда стали выясняться интересные обстоятельства имущественных отношений братьев Протасовых.

В 1785 г. в условиях надвигавшегося голода и для ускорения пополнения хлебных запасов столицы деньги за будущие поставки выдавались вперед². Глебов был дальним родственником Протасовых, но признание последними необходимости выплаты долга за проштрафившегося подполковника не могло проистекать из одних только соображений человеколюбия или родственных уз. Возможно, муку собирались поставлять вместе или, что более вероятно, выданными деньгами воспользовался не только Глебов, но и его поручители. (Андрей Протасов был страстным игроком³, и это обстоятельство могло известным образом подтолкнуть к использованию возможности легкого получения правительственных денег). Примечательно, что ни поручавшийся за Глебова Андрей, ни его братья, принявшие самое живое участие в разбирательстве, не отрицали необходимости выплатить долг. Они, однако, не считали возможным это сделать.

Когда петербургский нижний надворный суд стал в 1789 г. разыскивать поручителей Глебова, то один из них, ассессор Цыгоров, предоставил в распоряжение суда полные, по его мнению, сведения об имениях Андрея Протасова: «Тверского наместничества в деревне Залучье шездесят две да и Орловского наместничества в селе Нетрубее сто шеснатцать душ». Тут же были посланы запросы в правления упомянутых наместничеств, а из тех, соответственно, были даны предписания о наложении запрещений на указанные имения Андрея Протасова. После некоторых разбирательств в петербургский суд было переправлено «доношение» Павла Протасова, в котором тот

¹ См.: ГАУ ТО, ф. 54, оп. 5, д. 1660, л. 1, 27.

² По существовавшей практике XVIII в., при подписании контракта на поставку в государственные магазины поставщику выдавалась ссуда в местном казначействе. Я благодарна за эти сведения проф. Дэвиду Ранселу; см. также его книгу: *David L. Ransel. A Russian Merchant's Tale. The Life and Adventures of Ivan Alekseevich Tolchënov, Based on His Diary.* Indiana: University Press, 2009. P. 40-41; *Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй пол. XVIII в. М., 2005. С. 454-467.

³ ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 23.

уверял, что имение Нетрубеж принадлежит не Андрею, а ему, Павлу. Андрею же, добавлял Павел, хотя и досталось по разделу с братьями в Тульском наместничестве в Новосильской округе с. Скворчье, в котором по 4-й ревизии состояло 264 души, но и оно ему больше не принадлежит, т.к. он его продал «по купчей у крепостных дел» брату Василию. Павел просил надворный суд снять запрещение с его имения и показывал, что другое значившееся за Андреем имение Залучье в Тверском наместничестве по тому же разделу с братьями досталось также не Андрею, а Василию. Павел уверял, что данным разделом «брат ево Андрей удовлетворен»¹. Получалось, что Андрею ничего нигде не принадлежало и отвечать по поручительству за Глебова ему было совершенно нечем.

Надворный суд донес о «вновь открывшихся обстоятельствах» в Петербургское губернское правление, откуда строгие приказы полетели уже в три наместнических правления, дабы «оние благоволили, учиня вернейшие у себя выправки и снесясь между собою о разделе Протасовыми имения» произвести следующее: если по разделу братьев имения Нетрубеж и Залучье действительно числятся не за Андреем, а за его братьями, то снять с них запрещения; если же что-то все-таки у Андрея там осталось после раздела, то на его часть наложить запрещение; относительно новосильского имения Скворчье выяснить, произошла ли его продажа до или после поручительства за Глебова, предварительно наложив на имение запрещение; обо всем предпринятом срочно доложить².

На запросы, разосланные Тульским наместническим правлением в нижние земские суды, из всех них, в том числе и новосильского, пришли рапорты, что за Андреем Протасовым «никакого имения во владении [...в означенном уезде] не состоит». Одновременно с рапортами в правление поступило прошение «бригадира Василия Иванова сына Протасова» на имя императрицы. В нем заявитель подробно объяснял, что, хотя продажа ему имения в Новосильском уезде его братом Андреем произошла после раздела имущества между братьями в том же 1787 г., в залоге данное имение не было, о поручительстве брата ему, Василию, было известно, но «брат мой Андрей Протасов никакова имения по тому по Глебове поручительству не подписывал...». Он признавал, правда, что «по законам» Андрей

¹ ГАУ ТО, ф. 54, оп. 5, д. 1660, л. 1-1 об.

² Там же, л. 2.

должен «ответствовать» по поручительству и его имения должны быть описаны. На этот случай он извещал о том, что Андрею все-таки досталось кое-что по разделу, а именно «Новосильской округи Таракановской дачи» 450 четвертей земли да еще земельный участок в проданной ему, Андрею, их сестрой Марией уже после раздела деревне Хряпина Болота Мценской округи. Василий, конечно же, просил снять запрещение с его имения Скворчье¹.

Совершенно запутанное противоречивыми свидетельствами Тульское наместническое правление приказало гражданской палате разобраться с семейными разделами-переделами Протасовых. Тогда выяснилось, что при разделе в 1787 г. имущества братьев и сестер Протасовых, состоявшего почти из 2 тыс. крестьян мужского пола, 293 дворовых обоих полов и обширной земельной собственности в четырех губерниях, Василий записал за собой наибольшее количество как крестьян, так и земли². К тому же сразу после раздела Андрей продал Василию всех доставшихся ему крестьян, а вслед за тем и сестры продали ему же значительную часть своих крепостных³. Попытки петербургского надворного суда получить хоть какие-то деньги с Андрея Протасова на этом этапе успехом не увенчались. В самый разгар разбирательства, в 1790 г., Андрей каким-то образом сумел еще и заложить остававшееся у него имение⁴. Максимум, чего властям удалось добиться в результате длительной переписки по инстанциям, — это наложенное в 1792 г. запрещение на имение Залучье Тверского наместничества, принадлежавшее Василию.

На это, однако, тут же последовал протест действительного статского советника А.И. Лопухина, адресованный на имя императрицы, но доставленный, как полагалось, в Тульское наместническое правление. Лопухин показал, что в марте того же 1792 г. В.И. Протасов продал имение Залучье со всеми крестьянами, землями, лесами и пр. ему, Лопухину, за 5 тыс. 16 рублей. При вступлении им во владение имением выяснилось, однако, что часть его состоит в описи и «соби-

¹ ГАУ ТО, ф. 54, оп. 5, д. 1660, л. 5-11, 19-20.

² Из 1915 душ м.п. Василию досталось 413, Павлу 329, Якову 309, Андрею 264, Наталье 125, Марии, Елене и Елизавете вместе 375 и в совместном владении с Натальей еще 100. Там же, л. 23-24 об.

³ 100 душ (см.: ГАУ ТО, ф. 54, оп. 5, д. 1660, л. 23-24 об.). В семье сохранилось предание, что сделки эти совершались без денег (см.: ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 7).

⁴ ГАУ ТО, ф. 54, оп. 8, д. 4260, л. 1.

рается с оною в казну доход». Лопухин доказывал, что взыскания с него производятся неправильно, и заодно уведомлял заинтересованные инстанции о том, что за Андреем Протасовым имеются владения в других местах, а именно в с. Салькове и д. Пархомовой и Малаховой, в которых числится 41 душа, и кроме того дом в Орле, и что этого имения будет вполне достаточно для покрытия требуемой казной суммы¹. Поразительная осведомленность о состоянии как собственности, так и долгов Протасова объяснялась непосредственной вовлеченностью Лопухина в разбирательство – в это время он являлся правителем Тульского наместничества и одновременно тульским гражданским губернатором. Таким образом, Лопухин написал прошение как бы самому себе, так что наместническому правлению предстояло вынести решение по поводу имения своего начальника.

Мы не знаем, было ли простой случайностью временное совпадение описания за долги имения Залучье с покупкой правителем Тульского наместничества именно этого имения у брата ответчика. Пикантность ситуации усугублялась тем, что продавец был в это время тульским предводителем дворянства, т.е. вторым лицом в губернии и «правой рукой» покупателя – правителя наместничества и губернатора. Все это заставляет подозревать не случайное совпадение, а тонко разыгранную комбинацию, которой В.И. Протасов пытался спасти брата от разорения или, по крайней мере, сохранить собственность семьи.

Для принятия решения Тульское правление направило запрос в Орловское правление, а также послало узнать в Сальково, где «сторонние люди» показали, что никаких крестьян у Андрея Протасова там нет, земля также вся продана. Орловский городничий донес, что дом на Дворянской улице тоже уже ему не принадлежит². На требование объявить свою собственность, предъявленное лично чиновником белевского нижнего земского суда, прибывшим на дом к должнику, последний, отказавшись дать письменные показания, «словесно объявил», что у него ничего нет³. Губернские власти не удовлетворились таким заявлением, описали деревни Пархомово и Малахово и, оценив их в 4 тыс. 94 руб. и 50 коп., велели выставить на

¹ ГАУ ТО, ф. 54, оп. 5, д. 1660, л. 26-28.

² Там же, л. 31, 33 об.

³ Там же, оп. 7, д. 1667, л. 3.

продажу для покрытия долга. Приказано было снять запрещение с имения Залучье, проданного Лопухину, и возвратить новому владельцу деньги, которые уже успели поступить в казначейство¹. Тульские чиновники, вероятно, в этот момент вздохнули с облегчением. Они успешно отделялись от чрезвычайно неприятного расследования сомнительных сделок своего начальства. Вся ответственность за выплату денег по запросу из Петербурга перекладывалась теперь на их орловских «коллег».

Между тем Андрей Иванович Протасов, будучи в 1791 г. 32 лет, вышел в отставку в чине полковника², поселился в Туле, где его брат занимал такой высокий пост, и близко сошелся с семейством уездного дворянского депутата полковника П.Н. Юшкова. Последний был женат на дочери А.И. Бунина (1727–1791), отца Жуковского, Варваре. Андрей влюбился в ее младшую сестру красавицу Екатерину (1770–1848) и, несмотря на казавшееся неминуемым разорение, решил жениться. Он написал об этом брату Василию и получил согласие³. Хотя род Буниных не был столь знатным, как род Протасовых, Василий, соглашаясь на брак брата, мог рассчитывать на хорошее приданое и связи Буниных в тульском наместничестве и при дворе. Умершая незадолго до того третья дочь Бунина Наталья (1756–1789) была замужем за тульским вице-губернатором Н.И. Вельяминовым; широко известна была ее многолетняя связь с тульским наместником М.Н. Кречетниковым, имевшим прямой доступ к императрице. Кречетников продолжал опекать семью Буниных и после смерти своей любовницы, т.к. в ней воспитывались две его незаконные дочери от Натальи, Мария и Авдотья Вельяминовы. О близости Кречетникова к семье можно судить по тому, что Бунин в своем завещании именно ему поручил быть своим душеприказчиком и следить за точным исполнением раздела имения между наследниками. Такие серьезные связи могли быть на пользу Протасовым в решении дел Андрея.

Что касается приданого Екатерины Буниной, то В.И. Протасов точно знал, что ожидает Андрея, т.к. состоял в числе подписавших духовное завещание ее отца. Расчета на быструю поправку дел Андрея за счет имущества жены быть не могло, т.к. Бунин завещал все

¹ ГАУ ТО, ф. 54, оп. 5, д. 1660, л. 34-35.

² Там же, ф. 39, оп. 2 д. 1851, л. 26, 29; ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 1002, л. 7 об.

³ ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 23.

движимое и недвижимое имущество своей жене Марье Григорьевне с условием, чтобы она выделила незамужней тогда Екатерине и трем дочерям Наталье Вельяминовой всего по тысяче рублей и по несколько семей дворовых людей. После ее смерти Екатерина должна была получить половину имения в с. Покровском и д. Новые Прилепы и Красная Слоботка (Муратово тож) Орловской губ., с господскими домами, землями, угодьями и 423 душами м.п.¹ До смерти тещи, однако, Андрей не имел доступа к собственности жены.

Так как знатность и богатство невесты явно не играли в данном случае решающей роли, надо полагать, что В.И. Протасов, давая согласие на этот брак, руководствовался в первую очередь желаниями младшего брата, которого, несмотря на жесткий характер и прижимистость, по-своему любил². Согласие только что овдовевшей (в 1791 г.) М.Г. Буниной на брак дочери с человеком, чье совершенно расстроенное состояние не могло быть тайной, было вызвано, вероятно, желанием поскорее решить судьбу дочери в ситуации, когда она не могла рассчитывать на чью-либо помощь в решении матримониальных вопросов. Высокое положение брата жениха в дворянском обществе, его солидное состояние и видимое расположение к Андрею должны были внушать надежду на успех этого брака, который состоялся 13 апреля 1792 г. и от которого родились Маша и Саша Протасовы.

В 1793 г. Андрей Протасов стал в Туле губернским предводителем дворянства, чему, вероятно, немало способствовали его могущественный брат и близкие отношения семьи с наместником, губернатором и вице-губернатором, иначе трудно объяснить «выбор» тульским дворянством в качестве своего предводителя человека без средств, с долгами и под следствием. Однако надежды на благополучие и счастье Екатерины в браке не оправдались. Как оказалось, она вышла замуж за отчаянного игрока, что привело впоследствии к разорению также и ее состояния. В дополнение к этому выяснилось, что как до, так и после брака у него появлялись дети от случайных связей, на которых он, будучи человеком добрым и «чадолюбивым», тратил немалые средства. Трое из них, Василий и Наталья Азбукины и Василий Проташинский, воспитывались в семье. Для незаконных сыновей Андрея Жуковский позже, после смерти их отца, хлопотал

¹ ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 829, л. 7 об.-8 об.

² ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 8.

о дворянстве, так же как их отец когда-то хлопотал о дворянстве для него самого¹.

Надо отдать должное В.И. Протасову, который делом продемонстрировал желание помочь младшему брату в тяжелой ситуации с долгом по поручительству за Глебова. Будучи предводителем дворянства, Андрей вновь сумел в 1795 г. убедить власти, что описанные и выставленные на продажу имения в д. Пархомовой и Малаховой ему не принадлежат. Продолжавшееся в Орловской губернской канцелярии разбирательство вынудило Василия предоставить собственное свое имение в с. Мелихове Карачевской округи для описания и продажи для покрытия долга. Однако желающих купить выставленное тогда же на продажу имение не нашлось². У В.И. Протасова, правда, были возможности повлиять на готовность местных помещиков купить это имение. Интересно, что оно еще в том же 1795 г. принадлежало Андрею, но по бумагам было куплено у него Василием. Вероятно, Василий таким образом пытался помочь брату, деньгами ли, реально купив имение либо просто переписав его на себя и выставив на продажу, будучи твердо уверен в том, что имение никто не купит. Позже имение возвратилось в семью Андрея, т.к. было выкуплено у Василия Екатериной Афанасьевной³.

Невозможность решить вопрос с долгом Андрея, залог всего остававшегося у него имения и полное отсутствие средств к существованию заставили Екатерину нарушить волю отца и вступить в свою часть наследства преждевременно, до смерти матери. На это указывает тот факт, что сразу после раздела имения А.И. Бунина, произошедшего в 1797 г. по обоюдному согласию сторон⁴, из 235 душ, полученных Екатериной, 206 были тут же заложены генеральше княгине В.В. Голицыной за 16 тыс. рублей⁵. Не ограничиваясь этим, она на следующий год подала прошение в Орловскую палату суда и расправы о выдаче ей свидетельства на данное имение для залога его во Вспомогательном банке. Так как по ревизии 1795 г. имение числи-

¹ См.: Уткинский сборник. Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой. М., 1904. С. 23 и др.; Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. С. 459; Глаголева О.Е. Детство и юность В.А. Жуковского. С. 222; ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 21-22.

² ГАУ ТО, ф. 54, оп. 8, д. 4260, л. 12.

³ Там же, ф. 607, оп. 1, д. 5, л. 44 об.

⁴ ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 829, л. 1 об.

⁵ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 1002, л. 1.

лось за ее мать, от М.Г. Буниной потребовалось свидетельство на состоявшийся раздел и «верющие письма», засвидетельствованные А.И. Протасовым (самым, по-видимому, заинтересованным лицом), а также его братом Павлом. Имение было заложено¹.

Залог имений помещиками после учреждения государственного заемного банка в 1786 г. принял массовый характер². В семье Протасовых все владельцы рано или поздно просили разрешения заложить имения и чаще всего пользовались ими. Наибольшее количество прошений от них приходится на 1795–1798 гг. В 1795 г. закончился срок предводительства Андрея, которому, очевидно, так и не удалось воспользоваться своим высоким положением для решения вопроса с долгом. Залоги имений его братьями были, возможно, связаны с их желанием помочь ему. Их прошения о разрешении залога выявляют интересную картину перекладывания долгов с одного члена семьи на другого. Когда Павел попросил в 1797 г. выдать ему справку на его имения для залога, в Орловской казенной палате выяснилось, что в 1795 г. им было заложено 125 крестьян в зачет перевода на него долга его жены в 500 руб.; в следующем году он заложил еще 100 душ в счет поставок в Санкт-Петербург овсяной муки; в 1797 г. еще 10 душ были заложены по случаю займа 400 руб.; кроме того, в 1793 г. он перевел на себя долг брата Василия, занявшего в заемном банке 1500 руб.; в итоге в 1797 г. из 403 душ, принадлежавших Павлу в с. Нетрубеж, оставались незаложенными лишь 85, на которых ему и была выдана справка для их последующего залога. Яков, младший из братьев, служивший в гвардии прапорщиком, просил в 1798 г. справку для заклада своего имения в 77 душ, которое он уже за два года до того собирался заложить, но передумал. Василий просил разрешения на залог имения в 1796 г., затем трижды в 1797 г., правда, одним разрешением не воспользовался и просил в 1799 г. снять запрещение на эту часть его собственности. К этому моменту он уже стал действительным статским советником. Его сестры Мария, Елена и Елизавета (будущая жена Карамзина) просили о закладе своих имений в 1796 г. За год до этого их имения состояли под запрещением, будучи в залоге «по винной поставке», но запре-

¹ ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 1002, л. 7-10.

² *Jerome Blum. Lord and Peasant in Russia From the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961. P. 379-385; Lee A. Ferrow. Between Clan and Crown: The Struggle to Define Noble Property Rights in Imperial Russia. Newark: University of Delaware Press, 2004. P. 202-204.*

шение было снято и разрешение на новый залог дано. Протасовы имели два винных завода, которыми распоряжался Василий¹. Очевидно, что сестры закладывали свои имения под винные поставки по его просьбе. Содержание винных заводов, участие в поставках вина и хлеба указывают на серьезную экономическую деятельность Протасовых, особенно Василия. Залоги их имений не вели к разорению семьи в целом, как это происходило со многими дворянами. Протасовы не только закладывали свои имения, но и выкупали их, при этом Василий активно скупал имения родственников и соседей. Только имени Андрея мы не встречаем среди просящих о разрешении на залог имений в эти годы, т.к. ему к этому моменту уже нечего было закладывать. За него это делала жена.

По семейным воспоминаниям, супруги Протасовы очень любили друг друга. Растроенные дела вынудили их поселиться в с. Салькове в простой избе, которую Андрей «построил сам» и в которой в качестве спальни им «служили полати». После его смерти, как повествуют семейные предания, имение было сразу продано, но вырученных денег не хватило на покрытие долгов, и Екатерина Афанасьевна оплатила все векселя мужа с доходов своего имения². Эта семейная «идиллия» нарушается, правда, сохранившимися в тех же мемуарах сведениями о многочисленных изменах Андрея. О продаже имений мужа после его смерти в 1804 г. нам известно по документам: Екатерина Афанасьевна продала в том же году имение в Салькове, всю землю с крестьянами, а также другие земельные владения, доставшиеся ей по купчим от братьев мужа. Судя по всему, эта собственность, принадлежавшая ранее Андрею, была откуплена у него братьями в период разбирательства по его долгам по поручительству³. Многократность операций купли-продажи одних и тех же имений внутри семьи заставляет предположить осуществление этих сделок главным образом на бумаге, без денег. Хочется думать, что, меняя владельца имения по документам, братья пытались таким образом выручить разорившегося Андрея. При этих сделках, правда, собственником в большинстве случаев становился В.И. Протасов. Успешные операции с недвижимостью позволили Андрею много лет под-

¹ ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 735, 751, 761, 764, 765, 766, 801, 1094; ГАУ ТО, ф. 54, оп. 6, д. 1454, л. 1-5; оп. 7, д. 202, л. 1-6; ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 8.

² ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 23.

³ ГАУ ТО, ф. 607, оп. 1, д. 5, л. 42-42 об., 45 об.

ряд избегать выплаты долга, однако это привело к тому, что на долю жены и дочерей после его смерти остались одни долги. Вдова, откупив у братьев бывшие имения мужа, тут же их продала. Братья на этот раз не сделали попытки вернуть имения в семью, и наследственная собственность, полученная их предками в вотчину, ушла в чужие руки.

В довершение и без того колоритного портрета семьи Протасовых, вырисовывающегося из семейных воспоминаний и архивных документов, нужно отметить, что Василий Иванович, доставивший много тяжелых минут всем своим близким, испытал в жизни и свою долю горечи. Будучи старшим из братьев, он долго не женился, хотя и имел многочисленные внебрачные связи и детей от них. Всю жизнь стремившийся собрать в свои руки, сохранить и приумножить собственность семьи, он нуждался в законном наследнике. Как повествует семейное предание, одна из его любовниц, вдова Е.Ф. Барыкова (ур. Брыкина), забеременев, уверила его в том, что родит сына, и он немедленно женился на ней. Мальчик действительно родился, но вскоре умер. После этого родилась дочь Александра. В доме воспитывалась также одна из внебрачных дочерей Василия, Мария (в замужестве Тимирязева), которой занимались его сестры, по его настоянию оставшиеся жить с братом и после его женитьбы, причем старшая, Мария Ивановна, продолжала вести дом.

Не дождавшись сына, В.И. Протасов желал разделить свое имение между законной и незаконной дочерьми поровну, но когда он внезапно умер в 1807 г., все его владения перешли по наследству к дочери Александре и ее матери Е.Ф. Барыковой. У последней было четверо детей от первого брака – сын и три дочери, и распоряжаться всем стал ее взрослый сын. Сестры Василия Ивановича пытались отсудить имения, которые брат когда-то скупил у них, но Барыкова выиграла процесс, т.к. имения, приобретенные у членов семьи, не считались благоприобретенными и должны были по закону достаться прямым наследникам (т.е. вдове и законной дочери). Скардность В.И. Протасова сыграла в данном случае роковую шутку с ним самим, т.к. пострадала его незаконная, но любимая дочь Мария. Его незамужние сестры, воспитавшие Марию, передали ей в приданое все оставшиеся в их владении небольшие части когда-то огромной семейной собственности, отдав тем самым и себя на милость ее мужа¹. Та-

¹ ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 6-10.

ким образом, все наследственные земли Протасовых, которые с таким упорством собирал и удерживал Василий Иванович, постепенно перешли в чужие руки. Ни у него, ни у Андрея не было сыновей; сын Павла Александр ни разу не был женат; у сына Якова Ивана были лишь дочери. Эта ветвь рода не оставила мужского потомства.

Оставшуюся в 1804 г. с двумя маленькими детьми Екатерину Афанасьевну В.И. Протасов зовет переехать к нему в Троицкое. Ее мать, однако, благоразумно отговаривает от этого молодую вдову, убедив ее в том, что она должна жить «своим домом», иначе не сможет устоять «против деспотизма Василия Ивановича». Екатерина Афанасьевна жила очень скромно, особенно по сравнению с «роскошью» в Троицком, сначала в Белеве, а затем в Муратове¹. Несмотря на долги мужа, она сумела сохранить имение, полученное в наследство от родителей: по 6-й ревизии 1811 г. за ней состояло 305 крепостных². Ревизские сказки, правда, никак не фиксировали факт возможного залога имения, но более чем скромный образ жизни Екатерины Афанасьевны, запечатленный в семейных воспоминаниях и письмах, свидетельствует о том, что имение, скорее всего, так и не было выкуплено.

Желание Жуковского жениться на Маше вызвало бурный протест Екатерины Афанасьевны, в первую очередь из-за слишком близкого родства – Жуковский был ей сводным братом. Она как мать хотела, естественно, выдать Машу за человека обеспеченного, чтобы дочь не постигла ее собственная участь. Жуковский на момент размышлений о женитьбе в 1805 г. был собственником дома в Белеве, вероятно, подаренного ему его сводной сестрой Авдотьей Алымовой. В 1808 г. он продал этот дом Елене Ивановне Протасовой. Тремя годами позже он стал обладателем расположенного рядом с Муратовым имения в 16 душ в д. Холх, которое было куплено М.Г. Буниной и передано ему «по дарительной записи 1811 г.», т.е. подарено³. Доходы от литературной деятельности даже в 1812–1814 гг., когда Жуковский всерьез поднял вопрос о женитьбе на Маше, были незначительными. Однако в 1813 г. он не задумываясь продал Холх, чтобы дать приданое Саше Протасовой, вышедшей в следующем

¹ ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, № 14, л. 23-25, 32-33.

² ГАОО, ф. 760, оп. 1, д. 11, л. 495-506 об.

³ Там же, д. 14, л. 1062-1063; д. 15, л. 1068.

году замуж за А.Ф. Воейкова¹. После всех операций Протасовых с собственностью ее мать не могла обеспечить дочерей приданым, что и подтолкнуло Жуковского к продаже того малого, что он имел. В этом он повторил поступок своего друга и кумира Карамзина.

Жуковский был обязан Протасовым и самыми счастливыми, и самыми горькими минутами своей жизни. Его любовь к Маше определила всю его жизнь и пронизала все его творчество. Выручив сестру Машу в ситуации с приданым, он добровольно лишился имени, что сделало его и без того неопределенный социальный статус (из-за «сомнительного» дворянства) еще менее надежным². Благодаря Протасовым он, однако, познакомился с Карамзиным, который принял в юном родственнике участие, увидел его талант и способствовал его вхождению в русскую литературу. Отношения с Протасовыми не только содействовали глубокой дружбе двух писателей, но и проявили общность их человеческих качеств и «тождественность» их чувств. Карамзина и Жуковского роднят благородная и бескорыстная любовь к женщинам из этого семейства, самозабвенная готовность пожертвовать всем своим достоинством ради их семей, а также горе от утраты любимой женщины в результате ее ранней смерти. Волей обстоятельств один и тот же человек – В.И. Протасов – оказался ключевой фигурой в жизни их избранниц и тем самым их самих. Он и другие члены семьи Протасовых сыграли противоречивую роль в судьбах Карамзина и Жуковского, но мы обязаны им лучшими страницами творчества этих двух великих писателей.

¹ ГАОО, ф. 760, оп. 1, д. 20, л. 442 об.; Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана». Пг., 1915. Т. 1. С. 45.

² Жуковский едва не лишился дворянского титула в 1838 г. Подробнее см.: Глаголева О.Е. Детство и юность В.А. Жуковского. С. 227.